

вью..., а сегодня достаточно прочитать какую-нибудь ноту Советов правительствам капиталистического Запада и «Народного Союза», чтобы понять, на чьей стороне находится идеал...»¹⁹. В том же году, когда был написан «Парижский отчет», из которого взяты вышеприведенные строки — в 1926 г., в речи по поводу 700-летия родного города писателя, Любека, Т. Манн сделал попытку определить взаимоотношения немецкого бюргерства и мировой революции, которая «...стала непреложным фактом. Отрицать ее равносильно отрицанию жизни и развития; упорствовать в консерватизме перед ее лицом равносильно тому, чтобы добровольно самим поставить себя вне жизни и развития»²⁰.

Сказано как будто бы точно и сильно. Основываясь на таких высказываниях, и можно зачислить Т. Манна в «пророки нового мира». Но все дело в том, что за этим следует утверждение, ставящее под сомнение только что приведенные слова о мировой революции. «Но одно дело — признавать мировую революцию, другое — полагать, что она обрекает на гибель и уничтожение жизненную форму немецкого бюргерства... Здесь мы не разделяем немцев на бюргеров и социалистов»²¹. «Здесь немецкий характер как таковой и есть бюргерство в высоком смысле слова...»²². Бюргерство, связанное по представлениям Т. Манна с «идеей середины», противопоставляется здесь и буржуазии, и марксизму. Ведь Маркс еще «не прочитал Гельдерлина»²³, а потому мировая революция и оказывается неприемлемой для немецкого бюргера, а судьба последнего — независима от мировой революции. Этой пестрой смесью из прозрений (касающихся, например, опасной роли философии иррационализма в подготовке фашизма) и наивных идеалистических иллюзий, оставшихся от «Рассуждений аполитичного», полны многие как политические выступления Т. Манна, так и работы философского плана (работы о Шпенглере, Фрейте и др.).

Что же касается суждений Томаса Манна о стране Советов, то он выработал осторожную позицию, которой нельзя отказать в последовательности. Он с интересом следит за русским «экспериментом», читает, например, Советскую Конституцию, не устает повторять, что он многим обязан русской культуре, но он и в 30-е годы, когда его антифашистская деятельность была в самом разгаре, защищая Россию от обвинения в экспансионистских намерениях, является не столько горячим поклонником нового строя, сколько его защитником от кажущихся ему несправедливыми антисоветских кампаний. «Я, как нерусский по происхождению, хотя и необычайно многим обязанный русской литературе, но принадлежащий все-таки по своей душевной организации к Западу, не могу и не имею права судить сегодняшнюю Россию и насильственный социальный эксперимент, который она осуществляет. Право этого нового государственного и общественного устройства на жизнь и будущее должно быть подтверждено или опровергнуто временем», — пишет он в 1932 г. в письме к И. Шмелеву, отказываясь поддерживать его обвинения против его бывшей родины²⁴.

Т. Манн — один из немногих буржуазных публицистов, который все предвоенные годы старался убедить правительства и общественное мнение, что страх перед коммунистической опасностью, культивируемый буржуазной пропагандой, льет воду на мельницу международного фашизма. Он с горечью не раз повторяет, что основой английской политики, например, в 30-е годы является желание создать из гитлеровской Германии противовес социалистической России, усиления которой боятся в Англии больше, чем укрепления Гитлера²⁵. Фашизация континента — «запланированный результат английской политики»²⁶. Против социализма Европа защищалась фашизмом²⁷.

Размышляя в статьях 30-х годов о судьбах Европы и мира, Томас Манн не раз пытается для себя и своих читателей определить, что такое социализм. «И как бы в качестве бюргерского индивидуалиста ни думать о нем, нужно признать, что он (социа

¹⁹ Th. M a n n. Соч., т. 12, стр. 89.

²⁰ Т. М а н н. Собр. соч. в 10 томах, т. 9, стр. 90.

²¹ Томас Манн часто употребляет слово «социалистический» вместо «пролетарский»: «рабочий класс» для него — это «социалистический класс»; противопоставление бюргер—пролетарий заменяется поэтому противопоставлением бюргеров—социалистам, и бюргерской культуры — социалистической. И лишь там, где в отдельных высказываниях появляется снобистская нота, связанная со страхом за судьбу культуры при коммунизме (вспомнить Генриха Гейне!), там можно прочесть: «Но, конечно, перед „пролетарской культурой“ я дважды и трижды переkreщусь». Th. M a n n. Briefe, 1889—1936, стр. 180, письмо от 29.III.1919 г.

²² Т. М а н н. Собр. соч. в 10 томах, т. 9, стр. 90—91.

²³ Там же, т. 9, стр. 63. Немецкий социализм представляется Т. Манну исчерпавшим свое развитие «в экономическом материализме», а потому он не сможет выполнить своих национальных задач, пока «Карл Маркс не прочтет Гельдерлина».

²⁴ Th. M a n n. Briefe 1889—1936, стр. 360.

²⁵ «То, что русский социализм на Западе имеет сильного противника, важнее для господствующего класса Англии, чем благополучие континента» (Th. M a n n. Соч., т. 12, стр. 169).

²⁶ Там же, т. 12, стр. 794.

²⁷ Там же, т. 12, стр. 782. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, так как часто защиту Т. Манном Советского Союза от антисоветских измышлений западной прессы датируют второй половиной 40-х годов.